

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.128.93>

ВОСТОЧНЫЙ ПЕРИОД В БИОГРАФИИ ПОСЛАННИКА РОССИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ ВАСИЛИЯ СТЕПАНОВИЧА ТОМАРЫ

Научная статья

Андреева Г.Н.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-3465-522X;

¹ Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (g.n.andreeva[at]gmail.com)

Аннотация

В статье рассматривается сложный период международных отношений, связанных с экспансией Наполеона, когда российская и османская империи вступили в союзные отношения в целях борьбы с ней, через призму биографии посланника России в Константинополе В.С. Томары. Указанные обстоятельства потребовали направления в Константинополь в качестве посланника дипломата высокой квалификации и особо доверенного лица российского руководства. Чтобы показать, почему был избран В.С. Томара, в статье на основе использования методов исторической науки даются ответы на три ключевых вопроса: о причинах, по которым именно он был избран в качестве оптимальной кандидатуры на должность посланника в ситуации союза с Османской империей; о содержании его деятельности на этом посту и о влиянии «восточного периода» на его дальнейшую жизнь. В статье показано, что образование, военная и дипломатическая деятельность В.С. Томары в предшествующий период предопределили его ключевую роль в реализации российской внешней политики при решении «восточного вопроса». Это повлекло высокую оценку его вклада в обеспечение российской внешнеполитической линии. «Восточный период» стал для него хотя и напряженным, но вполне успешным этапом завершения дипломатической карьеры и началом активной деятельности в качестве сенатора.

Ключевые слова: Василий Степанович Томара, российский посланник в Константинополе, биография, 1798-1802 г., международная политика России, Османская империя.

THE EASTERN PERIOD IN THE BIOGRAPHY OF THE RUSSIAN ENVOY TO CONSTANTINOPLE VASILY STEPANOVICH TOMARA

Research article

Andreeva G.N.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0002-3465-522X;

¹ Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (g.n.andreeva[at]gmail.com)

Abstract

The article examines the difficult period of international relations associated with Napoleon's expansion, when the Russian and Ottoman empires allied themselves to fight it, through the prism of the biography of the Russian envoy to Constantinople V.S. Tomara. These circumstances necessitated the sending to Constantinople as envoy of a diplomat of high qualifications and a particularly trusted person of the Russian leadership. To show why V.S. Tomara was chosen, the article uses the methods of historical science to answer three key questions: the reasons why he was chosen as the best candidate for the position of envoy in a situation of alliance with the Ottoman Empire; his activities in this position and the impact of the "eastern period" on his later life. The article shows that V. Tomara's education, military and diplomatic activity in the preceding period predetermined his key role in the realization of Russian foreign policy in the solution of the "eastern question". This entailed a high appraisal of his contribution to the Russian foreign policy line. The "Eastern period" was for him, although a tense, but quite successful stage of the completion of his diplomatic career and the beginning of his active work as a senator.

Keywords: Vasily Stepanovich Tomara, Russian envoy to Constantinople, biography, 1798-1802, Russian foreign policy, Ottoman Empire.

Введение

В истории взаимоотношений Российской и Османской империи были нередки насыщенные драматическими событиями периоды, и противостояние двух империй подчас доходило до вооруженных конфликтов, а опыт военно-союзнических отношений почти отсутствовал. Крайне редко России удавалось на сколько-нибудь длительный период привлечь Порту к совместным действиям. Один из таких эпизодов относится к периоду наполеоновской экспансии, породившей турбулентность в европейских делах и международных отношениях. Исторические отягощения российско-турецких отношений предопределили чрезвычайную сложность этой задачи, тем более, что и в условиях потребности в союзе, противоречия между двумя странами не исчезли, их просто перевели на второй план, но в любой момент они могли выйти опять на первый план. Задача вынужденного военного союза требовала полного поворота в политике, обычный дипломат здесь мог не справиться. Потребность в установлении военно-политического союза, возникшая перед лицом общей угрозы могла быть реализована только силами неординарных личностей, поскольку для решения этой задачи был необходим человек, обладавший не только дипломатическим талантом, но и стратегическим мышлением, представлениями о военных действиях и тактике государственной политики. В этом смысле выбор

неслучайно пал на Василия Степановича Томару, военного, адмирала, дипломата, впоследствии ставшего сенатором, поскольку он в полной мере обладал необходимыми качествами и знаниями. Деятельность Василия Степановича Томары, посланника Российской империи в Константинополе в 1798-1802 г., в большей или меньшей степени освещается в многочисленных научных работах, посвященных европейской и российской политике конца XVIII в., отношениям России и Османской империи, средиземноморской экспедиции эскадры под руководством Ф.Ф. Ушакова, работе российского внешнеполитического ведомства, а также участию России, Османской империи и их представителей в конституционном процессе на Ионических островах. В этих работах деятельность В.С. Томары выступает как составная часть реализации политики Российской империи в отношении Османской империи и в целом в Средиземноморском регионе. В статье предлагается новый ракурс оценки деятельности посланника в Константинополе В.С. Томары: определение места и значения «восточного периода» в его биографии.

Методы и принципы исследования

Основные результаты исследования получены в результате анализа архивных данных, переписки В.С. Томары, дореволюционной и современной научной литературы с использованием биографического, проблемно-хронологического, ретроспективного и других исторических методов.

Научные работы, относящиеся к исследуемому периоду, нередко политизированы. Ранее оценка деятельности В.С. Томары осуществлялась в контексте классового подхода и попыток увязать его конкретные решения и результаты его деятельности с его политическими взглядами, что являлось переоценкой степени его самостоятельности как посланника, в то время как он и все российские участники, задействованные в реализации внешней политики России, находились на государственной службе и соответственно выполняли предписания и прямые указания императора, Коллегии иностранных дел и других ведомств. Для реализации принципа исторической объективности в соответствии с целями написания данной статьи деятельность В.С. Томары оценивается с точки зрения эффективности обеспечения интересов России, как они понимались в то время ее руководством. Вместо присутствующих в науке субъективных оценок в отношении выбора кандидатуры на пост российского посланника в Константинополе, в статье изложены аргументы и факты, показывающие объективные причины и условия принятия данного решения и выбора в данном качестве В.С. Томары. Комплексная характеристика полученного им образования, практических навыков в качестве переводчика, военного и дипломата позволяет показать предопределенность его назначения на пост в Константинополе в ответственный для России момент отношений с Портой. Применение принципа опоры на источники позволило ввести в научный оборот новую информацию о В.С. Томаре. Однако, поскольку сведения о В.С. Томаре в разных источниках нередко противоречивы, а целый ряд источников в силу разных причин недоступен либо утрачен (в частности могила В.С. Томары не обнаружена на месте и вообще на кладбище, обозначенном в авторитетном официальном источнике, в то время как сведения на плите позволили бы дополнительно уточнить дату его рождения), то, как представляется, в рамках применения данного принципа в дальнейшем по мере выявления новых источников и сведений можно будет внести уточнения относительно информации, содержащейся в имеющихся на настоящий момент источниках. Деятельность посланника рассматривается в контексте обычаев и традиций его эпохи, а также с учетом специфики османского дипломатического протокола, что позволяет соблюсти принцип историзма, не допуская перенесения на исследуемый период сложившихся в настоящее время представлений о дипломатической деятельности.

Основные результаты

Страницы биографии В.С. Томары, значимые для понимания осуществления им задач в качестве посланника в Константинополе

Большая часть жизни и деятельности В.С. Томары – военного, дипломата, сенатора – была связана с государственной службой, тем не менее в его биографии много пробелов. Хотя в последние годы статьи о В.С. Томаре появились на сайтах Википедии и Родовита, но на них приводятся в основном многократно воспроизведенные в разных изданиях факты, в том числе без указания на спорность некоторых данных, отмеченную научным сообществом, так что проблема восполнения пробелов в его биографии остается актуальной. Поскольку интерес к жизни и деятельности В.С. Томары растет, можно надеяться, что биография данного лица будет пополняться новыми фактами. Недавно на основе использовавшегося ранее в такого рода научных работах источника удалось достоверно установить, что уже в 1782-1784 г. В.С. Томара входил в окружение Екатерины II [10, Л. СХІХ]. Это позволяет отметить наличие у него знания придворной этики, гибкости и других необходимых для государственной карьеры качеств. При Екатерине II особенно ценилась «усердность» – «та самая добродетель, которая монархам «паче всех любезна» и вообще качество похвальное и достойное всеобщего подражания» [12, С. 121]. Следует отметить, что В.С. Томара, как показала его жизнь, в том числе «восточный период», в полной мере был наделен этой добродетелью.

Какой же была траектория служебной карьеры В.С. Томары, которая привела его в число сотрудников и приближенных Екатерины II, а впоследствии к должности посланника России в Константинополе? В.С. Томара принадлежал к малороссийскому дворянскому роду, одно из ранних упоминаний о котором относится к концу XVII в. [4, С. 219]. Филологи полагают, что фамилия Томара имеет тюркское происхождение, причем в зависимости от того, от какого слова ее считать производной может означать: стрелу с костяным наконечником («томар~томарка»); род ожерелья, висящего на груди; амулет («tumar»); корень («tamug»); кунака, приятеля («тамыр»); прозвище, кличку Тамыр «друг, приятель, кунак»; «талиман» [4, С. 219-220]. В XVIII веке написание этой фамилии не было устойчивым. В официальных документах, сохранившихся в архивах, он упоминается то как Томара, то как Тамара [8, С. 238]. Род Томара был дворянским родом малороссийского происхождения, причем в отличие от многих представителей этой части дворянства им не требовались доказывать дворянское происхождение, наоборот, другие малороссы для подтверждения своего дворянского звания ссылались на документы, в которых упоминались представители рода Томара [15, С. 62-63].

Родителями В.С. Томары были коллежский советник Степан Васильевич Томара и Анна Васильевна Кочубей [22, С. 427]. Родственные связи с Кочубеями, как будет видно далее, во многом определили дальнейшую судьбу В.С. Томары. В научной литературе приводятся различные даты его рождения: 1747 г. [22, С. 427], 1746 г. [18, С. 284], а на сайте «Академик» указан 1740 г. [20]. Точную дату его рождения и причины расхождений еще предстоит определить.

Детство Томары проходило в селе Каврай (ныне село Коврай Золотоношского района Черкасской области), в усадьбе родителей. Учителем к юному Василию Томаре в 1754 г. был приглашен известный философ Г.С. Сковорода. Как воспитывал и чему обучил юного Томару его наставник?

По вопросу о методах воспитания Василия Томары Сковородой мы вступаем в зыбкую область предположений. По мнению М.И. Ковалинского «Сковорода начал возделывать сердце молодого воспитанника своего, и, рассматривая природные склонности его, помогать только природе вращением направлением легким, нежным, нечувствительным, а не безвременно обременять разум его науками – и воспитанник привязался к нему внутренней любовью» [9, С. 14]. Однако это высказывание М.И. Ковалинского не следует воспринимать буквально, поскольку он очевидным образом хотел показать, что на практике в отношении Василия Томары Г.С. Сковорода следовал своей педагогической методике, хотя достоверно этого знать не мог. Показательно, что у Сковороды сложились теплые отношения с воспитанником. Известно письмо В.С. Томары Г.С. Сковороде, когда в 1788 г. он писал своему бывшему учителю: «Ах, друг мой! Я часто привожу на память тихие и безмятежные времена моих молодых лет, которых цену, доброту и красоту отношу к дружбе твоей» [19, С. 8].

Что касается предметов, которые изучал Томара, и их объема, то документов об этом пока не обнаружено. Можно только отталкиваться от того, что знал сам Г.С. Сковорода, и что он преподавал в учебных заведениях. Знания Сковороды были обширны, причем «объем познаний Сковороды установить почти невозможно» [23, С. 59]. В Академии он «основательно изучил античную философию, литературу, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на Аристотеля, Плутарха, Эпикура, Платона, Демосфена, Горация, Вергилия, Цицерона, Сенеку, Теренция и других авторов» [14, С. 6]. Еще до путешествия за границу Сковорода свободно владел латынью, немецким и основательно изучил идиш. Находясь в Европе с 1750 по 1753 г., он совершенствовал знание этих языков. В Переяславской семинарии Сковорода читал курс поэтики, а в Харьковском коллегиуме преподавал поэзию, синтаксис и греческий язык [9, С. 9]. Любую из этих дисциплин он мог преподавать и В.С. Томаре.

Однако для дальнейшей деятельности Томары, помимо полученных им основательных знаний и готовности к их восприятию, важно отметить влияние оригинального способа мышления и методики преподавания Г.С. Сковороды. Известно, что его метод преподавания существенно отличался от господствовавшего в то время схоластического обучения, сопровождавшегося зазубриванием. «Своих учеников Сковорода призывал к глубокому изучению предмета, к серьезным занятиям науками» [7, С. 15], Василий Томара не был в этом отношении исключением. Имеются свидетельства того, что изучение, например, латыни и древней литературы юным Василием Томарой под руководством Г.С. Сковороды было более чем основательным. Так, Г.С. Сковорода, перелавший латинские эпиграммы из Горация, Овидия и других поэтов и сочинявший собственные латинские стихи, посвятил своему воспитаннику эпиграмматическое поздравление (сложное по технике, состоявшее из 18 строк, в котором шесть разных слов были повторены 20 раз) [16, С. 243]. Чтобы понять это посвященное ему сочинение воспитанник уже должен был иметь высокий уровень подготовки, в настоящее время такого рода сочинения Сковороды доступны только профессионалам [16, С. 243]. Показателем того, что Сковороде удалось привить воспитаннику любовь к стихам и античности, также является посвященное Томаре стихотворение В.В. Капниста [11, С. 305]. Блестящее знание иностранных языков, полученное в детстве, позволило ему работать в качестве переводчика на Кавказе и в дальнейшем свободно общаться с дипломатами и чиновниками разных стран, что подтверждает его переписка. Что касается дальнейшего образования В.С. Томары, то, по мнению В.И. Федорченко, В.С. Томара «образование получил за границей, в Германии и Италии» [22, С. 427], однако эти сведения не подтверждены в его работе ссылками на источники.

В.С. Томара на государственной службе до занятия должности посланника в Константинополе

Послужной список В.С. Томары в четырехтомном издании «Высшие чины Российской империи: (29.10.1721-2.03.1917) Биографический словарь» начинается с записи о том, что 5 февраля 1790 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Позднее он становится «действительным статским советником (28.05.1797); тайным советником (21.07.1797) и затем посланником и полномочным послом в Константинополе (1797-9.07.1802) [5, С. 672], что напрямую относится к теме исследования в данной статье. Это перечисление достижений в восхождении по служебной лестнице свидетельствует о том, насколько эффективной была его деятельность (и как его ценило руководство). За тем фактом, что ему было присвоено в 1790 г. звание генерал-майора, стоят годы службы и выполнения разнообразных поручений, связанных с реализацией различных аспектов российско-турецких отношений и восточной политики России. В числе наиболее ярких эпизодов его деятельности, которые иллюстрируют его связь с восточной политикой России на протяжении его карьеры, можно выделить следующие: 1775 г. – переводчик на Кавказе; 1768-1774 г. – де факто российский представитель в Венеции (во время русско-турецкой войны), обеспечивающий поддержку российскому флоту и устанавливающий необходимые связи в рамках подготовки восстания греков; 1783 г. – участник подготовки проекта Георгиевского трактата и церемоний, связанных с заключением и введением в действие этого трактата; 1791 г. – уполномоченный по организации присутствия российской флотилии в Средиземном море (с резиденцией в Яссах), последняя должность требовала интуиции, креативности и разнообразных знаний как о флоте, так и тонкостях международных отношений в этот период.

Назначение посланником в Константинополь в 1797 г. В.С. Томара соответствовало его опыту и способностям и хорошо укладывалось в задачи реализации государственных интересов империи, но несло многочисленные риски для В.С. Томары, поэтому он воспринимал данное назначение как служебную необходимость. В письме к графу С.Р. Воронцову он писал: «Видно судьба мне назначила Царьград (Константинополь – Г.А.) для успехов моих в службе; и

Царьград, однако ж, как и прежде не любил я, так и теперь не люблю» [2, С. 247]. Упоминание о судьбе для Томары имело и другой контекст. П.Д. Николаенко утверждает, что, добываясь посылки В.С. Томары на место В.П. Кочубея в Константинополь, А.А. Безбородко «учитывал не только его профессионализм и превосходную ориентацию в турецких делах, но и родственные связи» [17, С. 95]. Однако поскольку Томара не жаждал данного назначения, родственные связи скорее всего были использованы для того, чтобы заставить Томару отправиться в Константинополь. На этом посту он сменил своего родственника В.П. Кочубея, причем в свое время вопрос о назначении Кочубея в Константинополь привел к конфликту А.А. Безбородко с императрицей, которая обвиняла последнего в попытке отправить своего юного племянника на столь опасный пост, чтобы получить компенсацию, если тому придется «пострадать». Оскорбленному Безбородко пришлось доказывать императрице, что он обладает достаточной недвижимостью и средствами, чтобы не прибегать к этому [3, С. 110]. Следует отметить, что и В.П. Кочубей не горел желанием оказаться на службе в Константинополе. Как отмечает Ш.К. Ахметшин, «Кочубей очень тяготился своим пребыванием в Константинополе. Из-за неприятностей, связанных с его назначением, он хотел остаться в Константинополе только два года. Угнетала его и обстановка в столице Османской империи. Ему было тяжело вести переговоры с турецкими министрами, которые с одной стороны отличались крайней медлительностью и упорством в своих мнениях, с другой – чрезвычайной изменчивостью во взглядах и решениях» [3, С. 147-148]. Следует отметить, что несмотря на то, что В.П. Кочубей тяготился службой в Константинополе, он исключительно добросовестно вел дипломатические дела, снискал уважение султана Селима III, искусно поддерживал дружеские отношения между двумя государствами и выхлопотал новые права русским в Турции [21, С. 49-50]. С получением поста посланника в Константинополе с такого же рода проблемы предстояло решать В.С. Томаре. Понятно, что должность посланника в такой сложной стране и в ситуации постоянно меняющейся международной обстановки можно было доверить только в высокой степени доверенному лицу, которым и оказался в том числе и в силу родственных связей В.С. Томара. Вместе с тем отношение и Кочубея, и Томары к такому назначению, не совпадавшему с их собственными предпочтениями, показывает, что они рассматривали его именно как «судьбу» и своего рода родовое обременение.

Сложности дипломатической работы в Константинополе для В.С. Томары были многократно умножены необходимостью активного участия в конституционном процессе в Республике Семи Ионических островов, инициированном Россией и Османской империей, и обязанностью обеспечения пребывания в это время российского флота в Средиземном море. Переписка В.С. Томары этого периода, хранящаяся в российских архивах, является документальным свидетельством огромной работы, проделанной российским посланником в Константинополе в период нахождения в этой должности. Некоторые ее аспекты отражены в публикациях (завершение переговоров с руководством Османской империи о подписании союзного договора, информировании об их ходе руководства и Ф.Ф. Ушакова, контрольная и координирующая деятельность, интендантское снабжение, переписка с другими посланниками об оказании содействия [6, С. 45-60]). На самом деле направления и результаты его деятельности были гораздо шире и для полного освещения требуют монографического объема, поскольку они предполагали как выполнение стратегических задач, так и решение множества частных вопросов.

Главной стратегической задачей посланника был анализ поступающей к нему из различных источников разнообразной внешнеполитической информации и выстраивание правильной стратегии по реализации внешней политики России в данном регионе. На основе этого В.С. Томара осуществлял координацию действий всех российских участников этой политики. При назначении на должность посланник получил инструкцию, подписанную императором Павлом I, кроме того в ходе пребывания в должности он постоянно получал письма от императора и Коллегии иностранных дел, состоял в активной переписке с другими дипломатами и информаторами, а также решал проблемы, обращавшихся к нему как посланнику Российской империи частных лиц, все это давало В.С. Томаре огромный объем информации о происходящих в регионе событиях. Также он имел возможность опираться на опыт константинопольской миссии, отраженный в ее архивах. В условиях недостаточно быстрой связи между Петербургом и Константинополем, что определялось уровнем развития почтового сообщения в то время, когда некоторые письма от императора приходили постфактум, а конкретные ситуации (в том числе, возникшие в ходе военных действий), а также повороты и изменения во внешнеполитическом курсе требовали быстрых решений, осуществление задачи реализации выработанной стратегии и координации действий всех участников было возможным только при наличии у В.С. Томары способности к многофакторному анализу и высокого уровня оперативного и тактического мышления. И, следует отметить, этими качествами он обладал в полной мере и ярко проявил их, например, в 1798 г., когда предупредил главу внешнеполитического ведомства Османской империи о намерениях Франции захватить Египет. При этом он привел полученные из различных источников данные, которые свидетельствовали об этом: подготовку к отправке в Каир французскими дипломатами типографии с арабским шрифтом (техника для обеспечения пропаганды); вызов в Париж почти забытого французского консула в Египте; включение в состав экспедиции большого числа лиц, знающих арабский язык и др. [13, С. 149-150]. Другим примером незаурядных аналитических способностей В.С. Томары служат его размышления о том, какие действия могут быть предприняты в условиях зашедшей в тупик ситуации с утверждением Конституции Ионических островов [1, С. 22-23].

Вместе с тем, реализация полномочий посланника России сама по себе предполагала значительный объем работы по участию в протокольных мероприятиях, ведению переговоров с османскими должностными лицами, информированию российского руководства о ситуации в стране и регионе, предпринимаемых действиях по реализации российской государственной политики. Знание и учет особенностей официального протокола были необходимы для достижения государственных задач в работе дипломатической миссии в Константинополе, поскольку любая ошибка в поведении посланника могла иметь серьезные последствия для его страны. Посланник должен был хорошо знать все тонкости османского протокола и для того, чтобы понимать и адекватно реагировать на выражаемое с его помощью отношение к его стране. В Порте имели значение все детали. Например, чтобы попасть к султану или великому визирю на аудиенцию, дипломаты должны были пройти маршрутом, определенным протоколом, с рядом

церемониальных остановок, специально организованных таким образом, чтобы выразить отношение к дипломату и его стране. Существовал целый ряд приемов, которые позволяли без слов унижить сильную державу (например, приняв ее представителя вместе с представителем вассального государства) [24, С. 50-51]. «Говорящими» были одежда и головные уборы высших чиновников, которые принимали дипломатов, и даже седла, уздечки и убранство лошадей, участвовавших в церемонии [24, С. 52]. Большое значение имело и одаривание дипломатов после аудиенции халатами или шубой в зависимости от ранга принимаемого дипломата и политических соображений [3, С.122]. С другой стороны, само ведение переговоров с османскими должностными лицами также было непростым делом и сопровождалось их одариванием. Правильно одарить соответствующим рангу османского чиновника подарком было важно для того, чтобы не получить вместо союзника в делах недовольного или вообще врага, способного нанести вред интересам Российской империи. Этот момент в деятельности В.С. Томары недооценивается или неправильно оценивается некоторыми исследователями его деятельности [6, С. 55].

Дипломатическая переписка с российским императором и двором, с руководством дипломатического ведомства и с дипломатами других стран требовала времени и добывания нужной информации по различным каналам, с одной стороны, и правильной ее подачи, с другой.

Одно из важных направлений деятельности В.С. Томары состояло в обеспечении материальных условий для действий российской части объединенной российско-турецкой эскадры эскадры в Средиземном море против Наполеона. Из переписки В.С. Томары и Ф.Ф. Ушакова о возникших финансовых и других проблемах достаточно очевидно, что российское руководство переоценило возможности снабжения и ремонта эскадры на Ионических островах и степень обязательности турецкого руководства. Последнее по мирному договору взяло на себя обязанность снабжения эскадры продовольствием и материалами для ремонта судов, но выполняло ее неудовлетворительно. Ф.Ф. Ушакову нередко приходилось использовать собственные средства, и обращаться к В.С. Томаре с просьбами изыскать финансовые средства для покрытия обычных и экстраординарных расходов, неизбежных в условиях военных действий.

Серьезным и недооцененным до сих пор вкладом в мировую конституционную историю является российский опыт создания Конституции Ионических островов 1799 г. В.С. Томара был одним из активных участников этого конституционного процесса, направляя предписания общего характера Ф.Ф. Ушакову (который непосредственно на островах обеспечивал реализацию указаний из Петербурга) о создании на островах республики, учреждении Сената и столицы в Корфу. После принятия Конституции Сенатом В.С. Томара отстаивал соблюдение данных населению обещаний и предпринимал организационные меры по конфирмации Конституции обеими высокими сторонами. В течение пребывания В.С. Томары в должности посланника в Константинополе внешняя политика России дважды менялась кардинально: сначала Франция из врага превратилась в союзника, а затем с восхождением Александра I на престол, вся история российско-турецкого союза стала рассматриваться как «странная комбинация», вызванная «необыкновенными обстоятельствами» [13, С. 167]. При обеспечении реализации российской внешней политики в отношениях с такой непростой страной, как Османская империя, и в такой сложный период, проявились незаурядные качества В.С. Томары и, в том числе, его дипломатический талант. Уже в 1798 г. эти усилия были оценены императором и его окружением, и он стал кавалером Ордена Св. Анны I степени [5, С. 266], которым награждался за выдающиеся заслуги генералитет и члены императорской фамилии.

Жизнь после службы в Константинополе

Девятого июля 1802 г. В.С. Томара оставил дипломатическую службу, и его бурная военная и дипломатическая деятельность завершилась, но уже в следующем году В.С. Томара был назначен сенатором, что являлось переходом на другой уровень и в другое качество государственной деятельности. Переход Томары от дипломатической деятельности к иной, преимущественно административно-юридической, был для него органичным, поскольку такого рода деятельностью он занимался и ранее, в частности в рамках конституционного процесса на Ионических островах. Он становится присутствующим в III департаменте Правительствующего Сената с 7.10.1803 до 17.09.1811 г., когда он вышел в отставку [5, С. 266]. Должность сенатора и постоянное пребывание в России создали возможность более частого общения с друзьями, выдающимися людьми своего времени: В.П. Кочубеем, поэтом В.В. Капнистом, архитектором Н.А. Львовым и другими. Знаменитый философ, литератор, политик и дипломат Жозеф де Местр изобразил в «Санкт-Петербургских вечерах» В.С. Томару под псевдонимом Сенатор, как умного и понимающего собеседника. Однако и в этот период связь В.С. Томары с Востоком продолжалась: как известный знаток Востока он участвовал в деятельности Российского Библейского общества.

Заключение

Проведенный в статье анализ показывает, что направление В.С. Томары посланником в Константинополь в сложной ситуации серьезных изменений в международной политике и заключения российско-турецкого союза было обусловлено его личными качествами и его подготовленностью к такой сложной миссии. Его деятельность на этом поприще оказалась эффективной и успешной. Образованность, предшествующий опыт выполнения непростых поручений военного и дипломатического характера, высокие личные деловые качества В.С. Томары предопределили выбор руководства. Будучи чиновником, начавшим службу и продвигавшимся по служебной лестнице в екатерининскую эпоху и в силу этого ориентированным на «усердное» выполнение воли императора и его окружения, он прилагал максимум усилий для обеспечения российских политических интересов, особенно в восточной политике, как они тогда понимались российским руководством. Поскольку он действовал в сложных внешнеполитических условиях, от него требовалось стратегическое мышление, креативность и постоянное совершенствование дипломатических навыков. Его заслуги были признаны государством, кроме того после оставления дипломатической службы он получил почетную должность. Как представляется, это является в определенном смысле итогом «восточного периода» его жизни и вкладом в восточную политику России.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Андреева Г.Н. Об особенностях конституционного процесса на Ионических островах и черновике письма В.С. Томары А.Я. Италинскому от 2/ 13 ноября 1799 г. / Г.Н. Андреева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2020. — 1. — с. 10-30. — DOI: DOI: 10.24411/2306-9783-2020-00001
2. Архив князя Воронцова. — Москва: Тип. А.И. Мамонтова, 1881. — Кн. 20: Бумаги графов А.Р. и С.Р. Воронцовых: письма графа Маркова [т.е. Моркова], Тамары, Италинского, барона Грима, Лизакевича. — 531 с.
3. Ахметшин Ш.К. Князь Виктор Павлович Кочубей – первый министр внутренних дел, канцлер Российской империи / Ш.К. Ахметшин — СПб: Славия, 2013. — 456 с.
4. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н.А. Баскаков — М.: Мишель : Восточная литература : Наука, 1993. — 280 с.
5. Высшие чины Российской империи: (29.10.1721 - 2.03.1917). — Москва, 2019. — Т. 4. — 606 с.
6. Гинзбург Ю.В. Российское внешнеполитическое ведомство и создание Республики Семи Соединенных островов. / Ю.В. Гинзбург // Международные отношения на Балканах в событиях и лицах; под ред. Селиванов И.Н. — Курск: КГУ, 2018. — с. 7-62.
7. Гребенная Г.П. Педагогические взгляды Г.С. Сковороды: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Г.П. Гребенная. — Харьков, 1959. — 19 с.
8. Гречаная Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи.1797-1825 / Е.П. Гречаная, Ж. Сталь — М.: ИМЛИ, 2002. — 317 с.
9. Григорий Сковорода. Жизнеописание. Сочинения. — Киев; Москва : Монолит-Евролинц, 2002. — 200 с.
10. Двор императрицы Екатерины II: Ее сотрудники и приближенные. — Санкт-Петербург: тип. Эдуарда Гоппе, 1899. — Т. 2. — 96 л.
11. Капнист В.В. Опыт перевода и подражания Горациевых од / В.В. Капнист — СПб: Наука, 2013. — 432 с.
12. Карев А.А. «Притворство» придворного и проблема жеста в портрете екатерининского времени / А.А. Карев // Русское искусство нового времени. Исследования и материалы. — Москва: Памятники исторической мысли, 2005. — Вып. 9. — с. 118-135.
13. Кобищанов Т.Ю. Российско-французское противостояние на Ближнем Востоке в годы египетского похода Бонапарта 1798- 1801 г / Т.Ю. Кобищанов // Французский ежегодник. — 2019. — с. 148-171.
14. Корж Н.Г. Место и особенности латинского языка в творчестве Г.С. Сковороды: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.Г. Корж. — Харьков, 1956. — 16 с.
15. Миллер Д.П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение козацкой старшины в дворянство / Д.П. Миллер. — Киев: Тип. Императорского университета им. Св. Владимира, 1987. — 133 с.
16. Надъярных Н.С. Аксиология перечтений / Н.С. Надъярных — М.: ИМЛИ, 2008. — 336 с.
17. Николаенко П.Д. Князь В.П. Кочубей – первый министр внутренних дел России / П.Д. Николаенко — СПб: Р-КОПИ, 2017. — 780 с.
18. Русский биографический словарь. — Санкт-Петербург: И.Н. Скороходов, 1912. — Т. XX. — 602 с.
19. Сковорода Г. Сад божественных песней / Г. Сковорода — Киев: Дніпро, 1988. — 319 с.
20. Тамара Василий Степанович (1740-1813) – русский дипломат // Академик. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/1202/%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%90%D0%A0%D0%90 (дата обращения 30.12. 2022)
21. Теплов В. Русские представители в Царьграде. 1496-1891. Исторический очерк / В. Теплов. — СПб: Типография А.С. Суворина, 1891. — 73 с.
22. Федорченко В.И. Сенаторы Российской империи. Энциклопедия биографий / В.И. Федорченко. — М.: ИМЛИ, 2018. — Т. 2.
23. Эрн В. Григорий Савич Сковорода. Жизнь и учение / В. Эрн. — М.: Товарищеская типография А.И. Мамонтова, 1912. — 343 с.
24. Якушев М.М. Османский протокол в дипломатических отношениях Порты и России (конец XVIII – начало XIXв.). / М.М. Якушев // Восток. — 2010. — 3. — с. 48-58.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Andreeva G.N. Ob osobennostyax konstitucionnogo processa na Ionicheskix ostrovax i chernovike pis'ma V.S. Tomary A.Ya. Italinskomu ot 2/ 13 noyabrya 1799 g. [On the Peculiarities of the Constitutional Process in the Ionian Islands and the Draft of a Letter from V.S. Tomara to A.Ya. Italinsky dated November 2/13, 1799]. / G.N. Andreeva // Istoriko-pravovy'e problemy': novy'j rakurs [Historical and Legal Problems: A New Perspective]. — 2020. — 1. — p. 10-30. — DOI: DOI: 10.24411/2306-9783-2020-00001 [in Russian]

2. Arhiv knjazja Voroncova [Archive of Prince Vorontsov].— Moscow: Tip. of A.I. Mamontov 1881. — Book 20: Papers of Counts A.R. and S.R. P. Vorontsovs: letters of Count Markov [i.e. Morkov], Tamara, Italinskogo, Baron Grim, Lizakevich — 531 p. [in Russian]
3. Axmetshin Sh.K. Knyaz' Viktor Pavlovich Kochubej – pervyj ministr vnutrennix del, kanczler Rossijskoj imperii [Prince Viktor Pavlovich Kochubej - First Minister of the Interior, Chancellor of the Russian Empire] / Sh.K. Axmetshin — SPb: Slaviya, 2013. — 456 p. [in Russian]
4. Baskakov N.A. Russkie familii tyurkского proisxozhdeniya [Russian Surnames of Turkic Origin] / N.A. Baskakov — M.: Mishel' : Vostochnaya literatura : Nauka, 1993. — 280 p. [in Russian]
5. Vysshie chiny Rossijskoj imperii: (29.10.1721-2.03.1917) [The Highest Ranks of the Russian Empire: (29.10.1721-2.03.1917)]. — Moscow, 2019. — Vol. 4. — 606 p. [in Russian]
6. Ginzburg Yu.V. Rossijskoe vnesnepoliticheskoe vedomstvo i sozdanie Respubliki Semi Soedinenny'x ostrovov [Russian Foreign Ministry and Creation of the Republic of the Seven United Islands]. / Yu.V. Ginzburg // International Relations in the Balkans in Events and Persons; edited by Selivanov I.N. — Kursk: KGU, 2018. — p. 7-62. [in Russian]
7. Grebennaya G.P. Pedagogicheskie vzglyady G.S. Skovorody [Pedagogical Views of G.S. Skovorody]: autoabst. diss. ... of PhD in Pedagogical Sciences / G.P. Grebennaya. — Kharkiv, 1959. — 19 p. [in Russian]
8. Grechanaya E.P. Literaturnoe vzaimovospriyatie Rossii i Francii v religioznom kontekste e'poxi.1797-1825 [Literary Understanding of Russia and France in the Religious Context of the Era. 1797-1825] / E.P. Grechanaya, Zh. Stal' — M.: IMLI, 2002. — 317 p. [in Russian]
9. Grigorii Skovoroda. Zhizneopisanie. Sochineniya [Gregory Skovoroda. Biography. Writings]. — Kyiv; Moscow: Monolit-Evrolints, 2002. — 200 p. [in Russian]
10. Dvor imperatritsy Ekateriny II: Ee sotrudniki i priblizhennye [Court of Empress Catherine II: Her Employees and Close Associates]. — Saint-Petersburg: tip. of Eduard Goppe, 1899. — Vol. 2. — 96 p. [in Russian]
11. Kapnist V.V. Opy't perevoda i podrazhaniya Goraciev'y'x od [Experience of Translation and Imitation of the Horatievs Od] / V.V. Kapnist — SPb: Nauka, 2013. — 432 p. [in Russian]
12. Karev A.A. «Pritvorstvo» pridvornogo i problema zhesta v portrete ekaterininskogo vremeni [“Pretense” of the Courtier and the Problem of Gesture in the Portrait of Catherine's Time] / A.A. Karev // Russkoe iskusstvo novogo vremeni. Issledovaniya i materialy [Russian Art of the New Age. Studies and Materials]. — Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2005. — Iss. 9. — p. 118-135. [in Russian]
13. Kobishchanov T.Yu. Rossijsko-frantsuzskoe protivostoyanie na Blizhnem Vostoke v godi yegipetskogo pokhoda Bonaparta 1798- 1801 g [Russian-French Confrontation in the Middle East during the Egyptian Campaign of Bonaparte 1798-1801] / T.Yu. Kobishchanov // Frantsuzskii yezhegodnik [French Yearbook]. — 2019. — p. 148-171. [in Russian]
14. Korzh N.G. Mesto i osobennosti latinskogo yazyka v tvorchestve G.S.Skovorody [The Place and Features of the Latin Language in the Work of G.S. Skovorody]: autoabst. diss. ... of PhD in Philology / N.G. Korzh. — Kharkiv, 1956. — 16 p. [in Russian]
15. Miller D.P. Oчерki iz istorii i yuridicheskogo bita staroi Malorossii. Prevrashchenie kozatskoj starshini v dvoryanstvo [Essays from the History and Legal Life of old Little Russia. The Transformation of the Kozak Foreman into the Nobility] / D.P. Miller. — Kiev: Printing House of the Imperial University named after St. Vladimir, 1987. — 133 p. [in Russian]
16. Nad'yarny'x N.S. Aksiologiya perechtenij [Axiology of Enumerations] / N.S. Nad'yarny'x — M.: IMLI, 2008. — 336 p. [in Russian]
17. Nikolaenko P.D. Knyaz' V.P. Kochubej – pervyj ministr vnutrennix del Rossii [Prince V.P. Kochubej - First Minister of Internal Affairs of Russia] / P.D. Nikolaenko — SPb: R-KOPI, 2017. — 780 p. [in Russian]
18. Russkii biograficheskii slovar' [Russian Biographical Dictionary]. — Saint-Petersburg: I.N. Skorokhodov, 1912. — Vol. XX. — 602 p. [in Russian]
19. Skovoroda G. Sad bozhestvenny'x pesnej [Garden of Divine Song] / G. Skovoroda — Kiev: Dni'pro, 1988. — 319 p. [in Russian]
20. Tamara Vasily Stepanovich (1740-1813) – russkij diplomat [Tamara Vasily Stepanovich (1740-1813)] – Russian Diplomat] // Academic. — URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/1202/%D0%A2%D0%90%D0%9C%D0%90%D0%A0%D0%90 (accessed 30.12. 2022) [in Russian]
21. Teplov V. Russkie predstaviteli v Tsargrade. 1496-1891. Istoricheskii oчерk [Russian Representatives in Tsargrad. 1496-1891. Historical Essay] / V. Teplov. — SPb: Printing house of A.S. Suvorin, 1891. — 73 p. [in Russian]
22. Fedorchenko V.I. Senatori Rossijskoj imperii. Entsiklopediya biografii [Senators of the Russian Empire. Encyclopedia of Biography] / V.I. Fedorchenko. — M.: IMLI, 2018. — Vol. 2. [in Russian]
23. Ern V. Grigorii Savich Skovoroda. Zhizn i uchenie [Grigory Savich Skovoroda. Life and Teaching] / V. Ern. — M.: Friendly printing house of A.I. Mamontov, 1912. — 343 p. [in Russian]
24. Yakushev M.M. Osmanskij protokol v diplomaticheskix otnosheniyax Porty' i Rossii (konecz XVIII – nachalo XIXv.) [Ottoman Protocol in Diplomatic Relations Between Ports and Russia (late XVIII - early XIX in). / M.M. Yakushev // Vostok [Oriens]. — 2010. — 3. — p. 48-58. [in Russian]